

— Дворец не место ни для меня, ни для тебя, но ты сумел уплыть прочь, а я — нет, и мне не взлететь.

Последние дни он постоянно взвешивал всё на весах сомнений. Ван Ман вознамерился погубить всех, кто был на корабле, утопив их в водах реки Вэйхэ. Стоило лишь нанять отдельную лодку, отправить Лю Синя прочь, а потом заявить, что тел найти не удалось, и дело было бы в шляпе.

Пусть это был лучший способ спасти жизнь Лю Синю, почему же тогда сейчас его собственное сердце разрывается от боли? Почему рана от меча на левом плече отчаянно ноет, напоминая о себе?

Дун Сянь тихо прошептал:

— К счастью, в тот день на Лебедином Озере я не ответил ударом. Если бы на твоём теле остались шрамы, нанесенные моей рукой, боюсь, ты бы тоже не смог меня забыть.

Боль в левом плече усилилась, став невыносимой, въедающейся в самую кость. Дун Сянь медленно коснулся пояса Лю Синя, где все еще висела та самая половинка разбитого нефрита. Его взгляд подернулся рябью, словно отражение в беспокойных водах реки Вэйхэ.

Дун Сянь собрался с духом и, волоча тяжелые ноги, сошел с маленькой лодки.

— Старик, уплывайте скорее. Что бы ни случилось на реке Вэйхэ, не оборачивайтесь.

Наблюдая, как лодочка постепенно растворяется в ночном мраке, он почувствовал, как камень упал с души, но от этого стало лишь тяжелее. Дун Сянь повернулся к остальным и сурово приказал:

— Еще раз проверьте разложенную солому, готовиться к поджогу!

Каюта Лю Юйня была по соседству. Ван Чжэнцзюнь сидела внутри, то и дело слыша его бесконечные жалобы.

— Идиот! Из-за какого-то любовника закатил истерику. Если бы у Лю Синя не было столько коварства, разве стал бы я помогать тебе стать наследным принцем! — Ван Чжэнцзюнь смотрела на картину, которую когда-то преподнес ей Лю Синь.

На картине была изображена Ван Чжаоцзюнь. Смысл был прозрачен: художник намекал на то, как она в свое время подкупила живописца, чтобы тот изобразил Ван Чжаоцзюнь уродливой. Этот мальчишка посмел оскорбить ее, прибегнув к иносказаниям! Чем больше Ван Чжэнцзюнь думала об этом, тем сильнее распалялась, и в ярости разорвала полотно. Но гнев не утих — вдруг она почуяла едкий запах гари.

Ван Чжэнцзюнь громко позвала слуг, но снаружи уже стоял невообразимый гвалт. В панике

выбежав наружу, она увидела, как из трюма вырываются языки пламени. Пожар в таком месте был смертельно опасен: огонь распространялся стремительно, до воды было не дотянуться, а потушить его на корабле уже не успевали. Даже если бы мимо проходило другое судно, чтобы перебраться на него, пришлось бы пройти через охваченный пламенем проход.

Дверь каюты Лю Юйня с треском распахнулась изнутри, и, увидев огонь, он тоже застыл в оцепенении.

— Помогите! Тушите огонь, быстрее тушите! — все благородство вмиг испарилось. Ван Чжэнцзюнь утратила величие вдовствующей императрицы и вместе с простыми людьми металась в поисках спасения. В час беды все равны.

Больше никто не узнавал в этой визжащей от ужаса женщине вдовствующую императрицу Великой Хань. Люди давили друг друга в бегстве. Но куда бежать, если ты заперт на горящем корабле? Куда ни ступи, не вырваться из рук смерти.

Языки пламени прижали толпу к борту, люди сбились в угол. Лю Юйнь с силой вытолкнул Ван Чжэнцзюнь вперед, а сам спрятался за ее спину.

— Бунт! Настоящий бунт! Как вы смеее так обращаться со мной, с вдовствующей императрицей! Живо, тушите огонь! — ее дрожащие приказы не возымели никакого действия.

Стояла зима. Даже тот, кто умел плавать, прыгнув в реку, неминуемо погиб бы от холода. Под яростным натиском огня драконья ладья издавала протяжные стоны, и после очередного грохота несколько кают рухнули.

Ван Чжэнцзюнь всю жизнь купалась в роскоши, и никогда прежде не испытывала подобного леденящего душу ужаса. В самый разгар паники над рекой внезапно зазвучала песня — элегантная, спокойная, но пропитанная невыразимой жестокостью.

Ван Чжэнцзюнь оглянулась и в изумлении открыла рот, не в силах вымолвить ни слова. В ее глазах отразилось самое невероятное отчаяние. Тот, кто стоял на плоту из бамбука, чья фигура была так легка и изящна... Дун Сянь?!

— Демон! — Ван Чжэнцзюнь оставила глубокие следы от ногтей на мачте. Она не могла представить, как человек, у которого на ее глазах остановилось дыхание, снова стоит перед ней и с таким невозмутимым видом наблюдает за ее мучениями.

— Господин Дун, я же не причинил вам вреда, спасите меня! — Лю Юйнь отчаянно махал руками, но человек на плоту не реагировал. Внезапный удар по лицу заставил Лю Юйня сплюнуть кровь.

Ван Чжэнцзюнь прошипела от ненависти:

— Предатель! Мне следовало убить тебя раньше!

Лю Юйнь, испугавшись приближающегося огня, прикрылся Ван Чжэнцзюнь, но тут мачта перед ними рухнула, и он кубарем полетел в реку. Оставалось лишь несколько человек, и Ван Чжэнцзюнь закричала:

— Дун Сянь, ты, мятежный подданный! Разве ты не знаешь, что за покушение на вдовствующую императрицу полагается казнь девяти поколений рода?!

В ее зрачках отражалась охваченная пламенем ладья, а воды реки Вэйхэ казались окрашенными в золото. Дун Сянь, стоя на бамбуковом плоту, едва заметно улыбнулся:

— Вдовствующая императрица, у меня нет к вам серьезных претензий, чтобы тратить столько сил на вашу гибель. Если хотите умереть, зная правду, лучше спросите об этом во сне у своего племянника.

Лицо Ван Чжэнцзюнь исказилось. Ван Ман? Человек из ее собственного рода Ван? Тот, кому она доверяла больше всех? Она собственными руками привела его к власти, ведь обычному человеку потребовалась бы целая жизнь, чтобы достичь того положения, которое он занимал сегодня. Неужели Ван Ману было мало? Неужели у него были еще большие амбиции? Плывущий вдали бамбуковый плот казался жутким призраком.

Ван Чжэнцзюнь почти взвизгнула в ответ:

— Врешь! Ты, подлец, все врешь!

Дун Сянь покачал головой и вздохнул:

— Князь просил передать вам слова. Он сказал, что самая большая удача в его жизни — это иметь тетюшку, ставшую вдовствующей императрицей, благодаря чему он без единого усилия получил тройное повышение. Дальше он пойдет своей дорогой, и вам больше не придется утруждать себя заботами о нем.

Услышав это, Ван Чжэнцзюнь едва не лишилась чувств.

Дун Сянь незаметно направил внутреннюю энергию, и плот под его ногами развернулся. Раздался оглушительный грохот — драконья ладья обратилась в прах.

На самой середине реки Вэйхэ разыгралось странное зрелище: бушующие воды оказались покрыты слоем огня, поднимался дым, словно души усопших, блуждающие в воздухе.

Хотя он сам исполнил задуманное, Дун Сянь не мог удержаться от вздоха. Этот огонь сжег те теплые воспоминания. Когда взойдет солнце, ему придется снова стать прежним собой. Так пусть этой ночью прозвучит песня для того, по ком он тосковал, в надежде, что тот, кто ушел, сможет ее услышать.

Печальная мелодия плыла над водой, вызывая слезы. Дун Сянь тихо запел:

— Неужто не знаешь? Прекрасней красавиц в стране не найти... такие не встретятся вновь...

Он достал из рукава несколько древесных листьев и подбросил их в воздух. Прыгнув, он полетел, точно птица, коснувшись водной глади. Словно стрекоза, едва задевающая воду, он ступал по плывущим листьям, переправляясь через реку, словно шел по ровной земле.

Расстояние между листьями было рассчитано безошибочно, и спустя мгновение он уже сошел с воды на берег.

Дун Сянь взмахнул мягким хлыстом, который с «шурхом» вытянул из-за пояса, и обвился вокруг ствола дерева. Используя его как опору, он мягко приземлился — его мастерство легкой поступи было настолько безупречным, что захватывало дух.

Рядом показались факелы — должно быть, его люди. Дун Сянь повернул голову и вдруг почувствовал странность: почему они сменили одежду на военную форму двора?

Раздался стук копыт, и к Дун Сяню приблизился породистый скакун. Сердце Дун Сяня словно замерло, он лишился дара речи, кровь в жилах, казалось, потекла вспять.

— У учителя великолепная легкость движений. Пересечь половину реки Вэйхэ так непринужденно.

Недоумение, удивление и шок отразились на его прекрасном лице. Дун Сянь оцепенело спросил:

— Ты... как ты вернулся?

Ответом ему стала холодная усмешка. Встретившись с этим глубоким взглядом, Дун Сянь почувствовал, что перед ним абсолютно чужой человек. Следом за конем Лю Синя ехал старик в армейской форме — присмотревшись, он узнал того самого лодочника.

Оказалось, что его ученик уже давно превзошел его, все рассчитав безупречно, без единого изъяна.

Глупец, он был настолько наивен, что верил, будто Лю Синь действительно поддался чувствам, и самонадеянно отпустил его.

Суставы пальцев Дун Сяня хрустнули. Он внезапно ощутил всепроникающий холод — холод такой силы, будто все его кости промерзли до самого основания.

Теперь, когда все было кончено, следовало бы прозреть и раскаяться, но он ненавидел себя за то, что подсознательно все еще продолжал бороться. Дун Сянь гадал: неужели Лю Синь проснулся на полпути и убедил старика вернуться?

Человек в седле улыбался, но улыбка его была холодна. Вокруг стояли солдаты в форме, а Дун Сянь чувствовал себя одиноким островом посреди толпы. Позади него людей, связанных по рукам и ногам, вели на расправу — это были его собственные...

<http://bllate.org/book/21155/2144390>